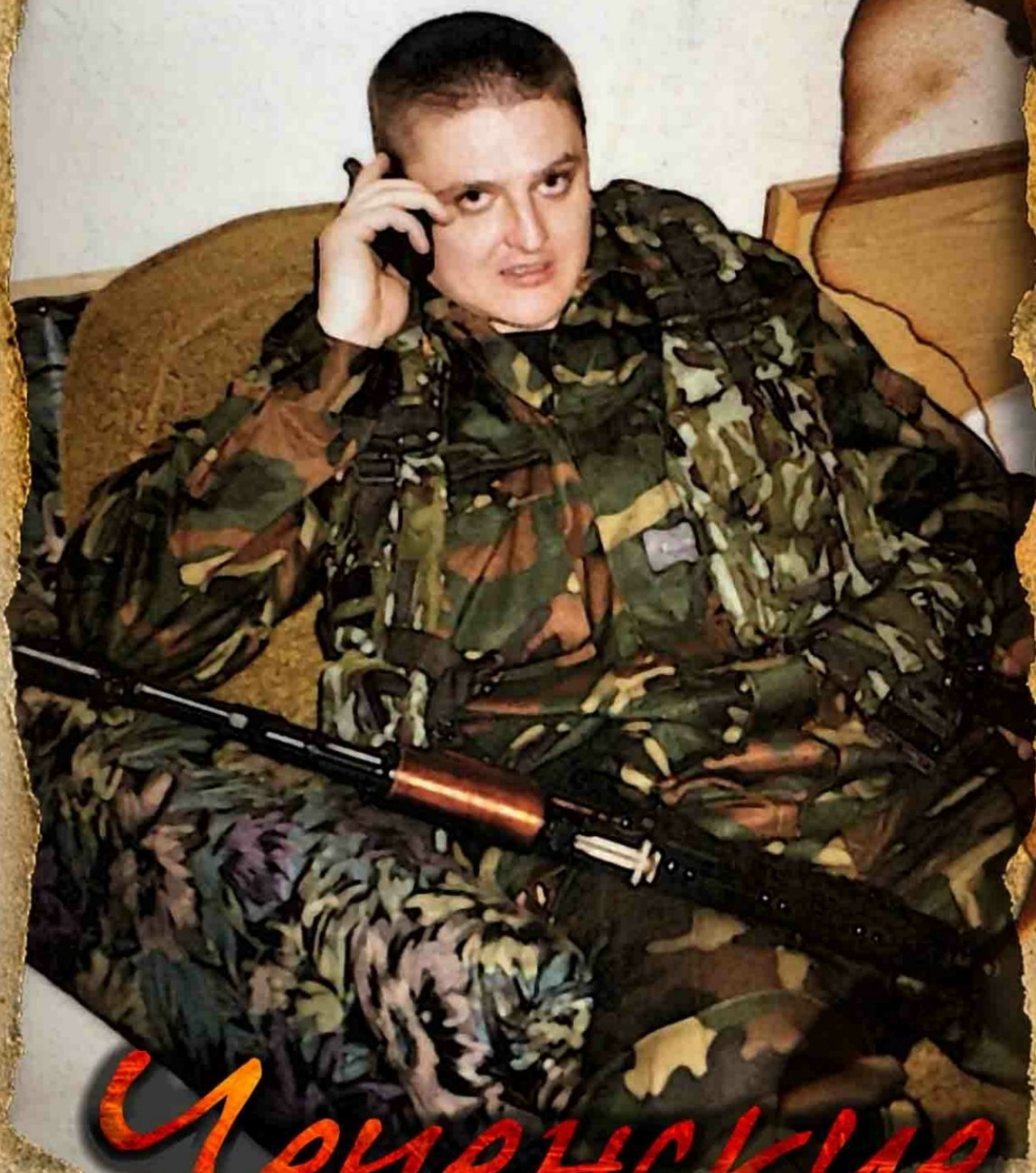

ПЕТРУШКО Э. П.

18+

Чеченские

ДОРОГИ. 2

Эдуард Петрушко
Чеченские дороги 2

«Автор»

2020

Петрушко Э. П.

Чеченские дороги 2 / Э. П. Петрушко — «Автор», 2020

Продолжение цикла рассказов о сложной работе спецслужб во второй чеченской компании. В произведении ярко описаны характеры и судьбы людей, правдиво освещена атмосфера тех дней и даются ссылки на исторические факты. Рассказ основан на реальных событиях.

© Петрушко Э. П., 2020

© Автор, 2020

ВСТУПЛЕНИЕ

Многие жизненные истории забываются, блекнут, теряется вкус и запах, со временем превращаясь в гербарий. Но Чеченская война, стоит перед глазами, снится по ночам и живет с тобой, как бы ты от нее не прятался. От военных воспоминаний не скрыться не за спинами врачей, ни на рыбалке, не в кино. Это твоя вторая тень, твой рок, твоя судьба.

Войны были, есть и будут, это порождение мужской природы, рудиментарное пятно человечества. Война – это самое страшное, что может случиться во всем мире. В одночасье все рушится, теряются человеческие и нравственные ценности, мы превращаемся в диких животных. Одно лишь слово «война» несет в себе массу боли, страха, плачь матерей и многочисленные смерти.

Перед глазами встают харкающие огнем орудия, разрушенные города, пожары, крики раненых и умирающих. Люди понимают все ужасы войны, но они не прекращаются не на минуту. Воют за нефть и землю, за веру и власть, за деньги и принципы.

На войне все хотят выжить, иногда любой ценой, ценой предательства и эгоизма. Люди могут стать отважными и смелыми, а могут быть подлыми и эгоистичными. Любая война это не только кровь и смерть, но время подвигов и героических поступков. В экстремальных ситуациях мы показываем чего мы стоим по-настоящему, свои сильные и слабые стороны. Множество характеров прошли у меня перед глазами во время пребывания на Северном Кавказе. Разные люди, разные судьбы.

Есть истории, которые хочется рассказывать, а другие не хочется. Я пишу обо всем, не скрывая свои разочарования, радости и успехи. Я пишу о людях, попавших в круговорот войны об их судьбах и историях, о их подвигах и заслугах. Я пишу о войне, какая она есть, с ее отворотительным лицом и равнодушием к человеческим жизням.

ЧЕРНОКОЗОВО

23 февраля 2000 года, во всей стране праздник. Чествуют Вооруженные силы РФ, кто водочкой, кто кефиром, за столом или на службе, сидя или лежа. А в Чечне, совсем не весело, можно сказать страшно. На дорогах пусто, народ сидит по домам, блок посты оцетинились клыками КПВТ и 30 миллиметровыми пушками БМП. Боевики змеями выются вдоль трасс, высматривая места засад и возможного минирования. Эта дата имеет еще один контекст в истории нашей страны: депортация чеченцев и ингушей в Казахстан.

Именно 23 февраля 1944 года началась операция «Чечевица», которой руководил Лаврентий Берия, по одобренному Сталиным планом. План был прост как шуруп – согнать максимальное количество чечено – ингушского народа и вывести его в холодные степи Казахстана.

Сталин, потягивая трубку, внимательно наблюдал за Чечено – Ингушской АССР, которая хоть была в составе СССР, но вела себя как непослушная строптивая дочь. На территории АССР регулярно происходили попытки переворотов и восстаний, действовали антисоветские группировки.

Но окончательно Сталин потерял доверие к чеченцам и ингушам во время Великой Отечественной войны, когда был провален план по мобилизации. Из 10 – ти повесток, на службу приходил один или два бойца. Помимо того что чеченцы и ингуши не хотели воевать, они еще и формировали отряды которые выступали на стороне немцев. Стоит упомянуть батальон специального назначения «Бергман», который специализировался на саботаже и диверсиях в нашем тылу.

Безусловно, не стоит забывать среди чеченцев и ингушей настоящих героев Великой Отечественной войны: Ханпаша Нурадилов – пулемётчик, уничтоживший лично около 900 фашистов; Абухаджи Идрисов – снайпер, на счету которого 349 воинов Рейха. Четверо сыновей Чечено – Ингушской были представлены к званию Героя Советского Союза, а один из последних участник обороны Брестской крепости был ингуш.

Кроме мести за войну Сталин понимал, что Кавказ – это регион, который богат нефтью и оставлять черное золото под «нестабильными» чеченцами он не хотел. Тут и созрела операция «Чечевица», с ее поломанными судьбами и смертями. 180 эшелонов вывезли до 9 марта 1944 года в холодные степи Казахстана около полумиллиона человек, которые фактически были брошены на произвол судьбы.

Добровольно уезжать никто не хотел, подтянулись отряды НКВД, залаяли собаки, застрочили автоматы. Тех, кто пытался протестовать против депортации или сбегал – расстреливали. На сборы давали всего несколько часов, разрешалось брать самое необходимое.

Вот так запросто гигантскую людскую массу переместили по карте на два локтя, и Чечено-Ингушетия перестала существовать. На ее месте появилась Грозненская область, куда также в приказном порядке поехали русские, украинцы, армяне, дагестанцы и прочие национальности необъятного Советского Союза. Эта депортация острой болезненной иглой засела в памяти чечено – ингушского народа и использовалась различного рода руководителями мятежной республики в начале 1990 – ых годов.

В дудаевско – масхадовской Чечне пропагандистская работа среди народа, велась агрессивно и была построена на ненависти к России и русским. «Коварнее и подлее нет народа», – поют чеченские барды, вспоминая походы ермоловских батальонов и проецируя былую, ненависть на сегодняшний день. В современной идеологической войне, чеченской пропагандой активно эксплуатируется сталинское выселение 1944 года. И сатанеет простой народ, припоминая прошлые обиды и невзгоды. Наслушавшись говорливых вербовщиков и местных политиков, простые рабочие и крестьяне, мужчины и юноши бросают семьи, берут в руки оружие и уходят в горы. Правду гласит чеченская поговорка: «Ружьё убило одного, а язык – тысячу».

В Чечне 23 февраля объявлен комендантский час, никаких передвижений и массовых мероприятий. А мы едем с напарником Димой Рыжковым, ответственным и добросовестным офицером, по пустынным дорогам Республики. Наша белая Волга как яркая мишень и для своих и для боевиков. Дима, напряженный до предела сжимает руль до белизны пальцев, я вспотевшими ладонями тискаю автомат.

Дима зачем-то постоянно моет Волгу перед нашими выездами в Чечню, чем меня немного раздражает. Его опрятность и пунктуальность кажется обострилась на фоне постоянных стрессов и нервов. Вот и сегодня перед въездом из Владикавказа он загнал машину на мойку. Причем мойка полная с ковриками и салоном, как будто на свидание едем, а не на

войну. У нас своя война, не окопная, не войсковая. Некоторые назовут ее пижонством или работой в белых перчатках. Но шансов словить пулю боевиков, быть преданными агентурой и захваченными в плен, подорваться на фугасе или быть случайно расстрелянными своими – предостаточно.

Сегодня наша дорога лежит в тюрьму или правильной – СИЗО Чернокозово, где у нас есть важная задача, которую никак не перенести на 24 февраля. Перед выездом доложили в Центр о необходимости выезда, отсюда: «будьте осторожны, комендантский час». Без лишних слов и напутствий, да что нам объяснять, мы с Димой не в первый раз лезем черту в попу.

Летим как птицы в надежде, что если будут палить, то скорость помешает точной стрельбе. Дорога относительно ровна только время от времени попадаются воронки, Рыжков «ловит» одну, я клацнул зубами аж искры полетели и ударился подбородком о пламегаситель АК. Из рассеченной ранки капнула кровь. Лучше так, чем налететь на прицельную очередь.

– Небоевые ранение, – пытаюсь шутить я. Дима ничего не отвечает, смотрит прямо, не отводя взгляда от дороги. Ранее утро, все вокруг замерло и посерело.

Впереди первый блок пост. Из далека, кажется, что на нем никого нет, но мы задолго до него притормаживаем, чтобы бойцы не жахнули по одинокой машине. Мало ли отмечают праздник, а тут мишень – побаловаться... И им (стрелявшим) собственно ничего не будет, если они кого – то ранят или застрелят, скажут что машина шла на скорости, появилась угроза теракта, вот и открыли огонь. Иногда своих боимся, больше, чем боевиков.

Выходят два автоматчика, стволы направлены прямо на машину. Осторожно открываем двери и идем в блок посту. Я пытаюсь шутить:

– Свои – славяне, не стреляйте, – и спотыкаюсь о большой булыжник. Где – то противно каркнула ворона, будто предвещающая что – то нехорошее.

– Славяне все по домам сидят и водку пьют, – отвечает один из них, высокий, рыжеволосый, с тонкими губами и оттопыренными ушами. Далеко не эталон красоты, но крепок в плечах, такой запросто может шею сломать. Здравуюсь с обеими за руку, вроде все трезвые. Рыжий представился просто:

– Серега, челябинский омон, – и поправил разгрузку набитую магазинами.

– Здорово, – отвечаю я, – а мы бродяги, – и показываю удостоверение. Удостоверение прикрытия на другую фамилию и с другими установочными данными, но они даже на него не смотрят. Порядки на блок постах разные, где-то нас записывают в журналы и ругаются, что шлемся в комендантский час, где-то просто пофигистически пропускают дальше. Рыжков идет к старшему блок поста, договариваться о проезде, я остаюсь с ребятами.

К нам неспешно подходит немецкая овчарка со свалявшейся шерстью и начинает меня осторожно обнюхивать. Напрягаюсь.

– Спокойно, – говорит Сергей. Она наших от чеченцев легко отличает. Вижу на боку у собаки плешь, присматриваюсь – недавнее ранение, длинный шрам сантиметров 7 – 8 – мь, слегка заросший редкой шерстью.

– Да, да, боевая собачка, – поясняет омовец, видя мой интерес к овчарке. Тут целая история с ней. Она в нашей «Брестской крепости», так омовцы называют блок пост, как ангел хранитель. Все видит и слышит, радар на лапах. Один раз боевики со стороны зеленки зашли, далеко до них было, а она учуяла, лай подняла, отбились без потерь. Любим мы ее и бережем, ну вот. Месяц назад рядом с ней разорвалась граната из подствольника, ее контузило и слегка зацепило. Я присел глажу собаку, которая удивительно умными глазами сморит на меня, как будто сканирует, не замаскированный ли я боевик. Сергей продолжает:

– Мы, конечно, испереживались, отвезли ее в соседнее село к ветеринару, заштопали, обезболивающее кололи пару дней. А потом закармлили ее. Каждый из нас втихаря дает ей что – то вкусненькое, ласкает и говорит приятные слова. В общем расслабилась наша собачка и обленилась. Начала хитрить, мол ей плохо и уходит на блок пост спать, команды не слышит, что вы мол хотите, контуженная я. Однако насчет пожрать она все слышит и видит. Сейчас начали ее дисциплинировать и в боевое состояние приводить.

Рассматриваю ребят все осунувшиеся, с кругами под глазами и красными глазами. Работа на блокпосте – это тяжелая психологическая война. Проверить сотни, если не тысячи машин – серьезное испытание для нервов. Некоторые чеченцы после проверки документов презрительно плюют на землю. На все крики, истерики омовцам рекомендована вежливость. Особенно нервозно, когда недовольны женщины.

Слышу, с блиндажа выходит Дима, за ним старший блок поста – капитан плотный мужик в годах и жестикулируя руками говорит:

– Я-то вас пропущу, но за рекой блок пост, там якуты стоят и им по фиг будут твои пропуска и ксивы, назад завернут, они упрямые. Нам команда дана четкая: никаких передвижений. Я прощаюсь с омовцами, еще раз глажу Неру и топаю в Волгу.

– Порвемся, ты только по рации предупреди им, что мы едем, – отвечает Рыжков, и мы садимся в машину. Щедро насыщенный влагой воздух, остывая к утру, окутывает землю настолько плотной пеленой, что мысль мультяшного ежика о том, что лошадь может потеряться в тумане, не кажется абсурдной. Да что там лошадь! Сегодня туман поглотил почти пол Республики, что на руку боевикам и прочим провокаторам.

Едем в густой пелене влажного воздуха. Думаю о том, что жизнь есть изделие одноразовое. Надо держать ухо в остро, чтобы она не отлетела от тебя как пробка из-под шампанского. Нежно поглаживаю, цевье автомата как родную женщину и внимательно смотрю по сторонам.

Блок пост, еще блок пост, везде нервяк и легкие разборки. Почему едем в комендантский час, куда, что за срочность, убить могут и свои, и чужие. Прямо дежавю. На последнем блок посту где-то вдалеке бабахнула очередь. Фыркнув, как испуганная кошка, рванула вверх ракета и исчезла в низких облаках. Через пару секунд жидкие тучи изнутри осветило бледно – красным светом. Залюбовался, но повторная очередь вывела из праздного любопытства. На блокпосту занимали оборону, мы с Димой не знаем, что делать, то ли прыгать в окопы, то ли ехать. Решили двигаться дальше, быстро сели в машину, притопили.

Фильтрационный пункт Чернокозово в самом лояльном Наурском районе Чечни в советские времена был обычной зоной. В годы правления Масхадова сюда сажали по пригово-

рам шариатского суда. В январе 2000 года российская группировка поспешила перестроить зону под следственный изолятор. Разное говорят про «современное» Чернокозово, некоторые сидельцы сравнивают содержание в ней с условиями содержания приговоренных к смертной казни. Говорят что мол, бьют и калечат боевиков, не дают еду и гнобят в карцерах. По мне так порядок, все чисто, ГУИН – цы опрятные и бритые, водкой не воняют. Нигде не кричат и некого не избивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.